

СОКРАТИЧЕСКИЕ ЧЕРТЫ ФИЛОСОФИИ Ф. НИЦШЕ

Щедрин К.С.

ГОУ ВПО «НИ СГУ им. Н.Г. Чернышевского», Саратов, Россия (410012, г. Саратов, ул. Астраханская, 83), e-mail: spielraum@yandex.ru.

Проведен анализ оснований критики Сократа у Ницше, а также тех методологических установок философии Ницше, которые оказываются сходными с методом майевтики у Сократа. Выявлено, что представление о рассудке, свободном от инстинктивной природы человека, не принимается Ницше, что служит основанием развернутой им критики западноевропейской философской традиции. Вместе с тем понятие интеллектуальной совести, играющее значительную роль в учении о познании у Ницше, имеет своим историко-философским источником майевтику Сократа. При этом образ экспрессивного мышления, который предлагает Ницше, является независимым от сократической философии и может быть в таком ключе продуктивен в будущем.

Ключевые слова: Ницше, Сократ, рационализм, иррационализм.

SOCRATIC FEATURES OF NIETZSCHE'S PHILOSOPHY

Schedrin K.S.

Saratov State University named after N.G. Chernyshevsky, Saratov, Russia (410012, Saratov, street Astrakhanskaya, 83), e-mail: spielraum@yandex.ru.

This work presents the analysis of grounds for critics of Socrates in works by Nietzsche, as well as methodological principles in Nietzsche's philosophy, which are similar to the method of maieutics introduced by Socrates. It's been revealed that the representation of sanity, free of instinctive human nature is not accepted by Nietzsche, that serves as a basis for his expanded criticism of Western philosophical tradition. However, the notion of intellectual conscience, which plays a significant role in Nietzsche's theory of knowledge, has its historical and philosophical source in Socrates's maieutics. The image of expressive thinking that Nietzsche offers, is independent from Socratic philosophy and can be productive in this way in the future.

Keywords: Nietzsche, Socrates, rationalism, irrationalism.

Введение

Ж. Делёз утверждал, что в «*„низвержении платонизма“<...> Ницше видел задачу собственной философии и вообще философии будущего*» [1; 329]. Такая рецепция философии Ницше влияет и на то, как постмодернистские мыслители определяют собственные задачи; Платон – одна из главных фигур-оппонентов у них. Вместе с тем нельзя забывать, что для самого Ницше более серьезным противником был Сократ. Данная статья посвящена отношению Ницше к философии Сократа, но целью является ответ на вопрос: не содержит ли философия Ницше в себе тех же сократических тенденций, от которых немецкий мыслитель декларативно отказывался? И если философия Сократа в своих основополагающих чертах продолжилась в Ницше, не нашла ли она себе действительного противника в лице других современных философов?

Противостояние с Сократом началось еще с ранних произведений Ницше, главным образом – с «Рождения трагедии из духа музыки», где он называет сократизм признаком «*падения, усталости, заболевания, анархически распадающихся инстинктов*» [5; 48]. Философия Сократа, по сути, погубила античную культуру – и приготовила почву для всей даль-

нейшей платонически-христианской традиции; что могло бы быть худшим приговором в устах Ницше?

Сократ был для него представителем худшего сорта морали и эстетики, в которых все соединяется с разумным и определяется им: все, что все разумно, то прекрасно и добродетельно. Недостаток разума и переизбыток инстинкта в современной ему культуре ввергали Сократа в негодование – отсюда его майевтика, его стремление к самопознанию, его презрение к тем, кто не достигает на пути к самопознанию успехов («я знаю, что ничего не знаю, но остальные не знают и этого»). Для Ницше именно глубина греческих инстинктов, связанная с именем Диониса, и была источником великолепия греческой культуры, в первую очередь – трагедии. Сократ становится оппонентом для Диониса – и, чужой по отношению к своей современности, становится первым признаком ее упадка.

В дальнейших работах Сократ – постоянный противник Ницше; изредка он одобряет какие-либо идеи его и, по всей видимости, восхищается так же, как можно восхищаться самым ненавистным тебе сильным соперником, но отношение к нему у Ницше не меняется, в отличие, например, от отношения к Канту; Сократ всегда для Ницше по ту сторону баррикад. В труде «Человеческое, слишком человеческое» Ницше даже обвиняет его в убийстве античной философии, говоря о его появлении: *«в одну ночь было разрушено столь изумительно правильное доселе, но вместе с тем слишком быстрое развитие философской науки»* [5; 379]. Неудивительно потому, что в другом месте Ницше спрашивает: *«не заслужил ли он своей цикуты?»* [6; 240].

Опишем подробнее то, что Ницше казалось излишней рассудочностью философии Сократа. В произведении «По ту сторону добра и зла» Ницше спрашивает: *«Что имел в виду тот бог, который давал совет: "познай самого себя"! Может быть, это значило: "перестань интересоваться собою, стань объективным"! – А Сократ? – А "человек науки"?»* [6; 293]. Итак, Сократ является изобретателем новой объективности: не досократической объективности, которая не дает субъекту обратиться на самого себя, являясь независимой от него истиной, но и не субъективной спонтанности, как у софистов, критерий познания для которых был спонтанным фактором (об этом промежуточном положении Сократа пишет Ф.Х. Кессиди [2; 29]). Объективный критерий истины для Сократа – внутри самого разума. Каждый человек «беременен» истиной, и майевтика Сократа позволяет лишь родить то, что уже внутри каждого ума.

Такая философская установка глубже платонической концепции раздвоенности мира, о которой упоминают, говоря о борьбе Ницше с платонизмом. То, что критерий познания переселяется в особый «мир идей» – образование позднее и зависимое от представления о самом таком критерии познания, имеющего не вселенский, но концептуальный характер.

Нельзя сказать, что данное представление было значимо для всей последующей европейской философии – средневековье, например, относилось к нему с сомнением, и хотя, например, Фома Аквинский совершал попытки координации его с истиной Священного Писания, его статус был понижен. Оно вернулось в полной мере с философией Декарта и Бэкона, в самом фундаменте новоевропейской мысли. И опыт радикального картезианского сомнения, и бэконовская концепция «идолов разума» – это вариации на тему сократической майевтики, в которой разум преодолевает стадию незнания, чтобы воссоединиться с той истиной, которой он уже обладал в некоем первоначальном состоянии. Картезианское понятие «естественный свет разума» говорит само за себя: получается, есть некая первоначальная естественность, которая затем искажается различными предрассудками, и которой можно снова достичь – путем избавления от ложных мнений.

В современном лексиконе есть понятие «интеллектуальная честность»: пожалуй, она наилучшим образом подходит к этой фундаментальной установке сократизма и новоевропейской философии, которая требует от мыслителя довести свои суждения до полной согласованности с рассудком. Но как раз у Ницше мы находим чрезвычайно близкий термин – «интеллектуальная совесть». В «Веселой науке» он трагически заключает о ней: *«подавляющему большинству недостаёт интеллектуальной совести; мне даже часто кажется, что, тот, кто притязает на неё, и в самых населённых городах пребывает одиноким, как в пустыне»* [5; 515-516]. Что же для Ницше суть требования интеллектуальной совести? Это не позволять себе *«верить в то или другое и жить согласно этой вере, не отдавая себе заведомо отчёта в последних и достовернейших доводах за и против, даже не утруждая себя поиском таких доводов»* [5; 516]. Что мы видим здесь, как не требование спора с самим собой, диалектики, по духу своей совершенно сократической? Здесь нет уже и в помине того яркого недоверия к рассудочности, которое мы могли наблюдать в «Рождении трагедии из духа музыки»: Ницше спорит уже не с Сократом, но с кем-то другим, ради чего Ницше будто бы меняет собственную позицию – но, в действительности, лишь смещает значения слов. Отечественный ницшевед А.Е. Радеев отмечает, что через понятие интеллектуальной совести (которую Радеев, впрочем, называет как раз «интеллектуальной честностью») Ницше вступает в спор с нигилизмом: *«...честность того же нигилизма состоит, по Ницше, в том, что необходимо лишить смысла и само отрицание любого смысла, обесценить и само обесценивание жизни»* [7; 66]. В главке из «Веселой науки», которая процитирована выше, «Интеллектуальная честность», Ницше все же выражает протест не против обесценивания жизни, но обесценивания разума – хотя и с частичным одобрением: *«Я подмечал у иных благочестивых людей ненависть к разуму <...> по крайней мере здесь выдавала себя еще хоть злая интеллектуальная совесть! Но стоять среди этой rerum concordia discors, среди всей чудесной*

неопределенности и многозначности существования и не вопрошать <...> даже не испытывать ненависти к вопрошающему <...> вот что ощущаю я постыдным» [5; 516]. Таким образом, Ницше находит себе врага страшнее Сократа (раз ставит страсть к вопрошанию выше полного бесстрастия и недоверия к разуму) – это нигилизм, растворяющий все возможные философские позиции в индифферентности. Отказываясь от сократического философствования («испытывая ненависть к вопрошающему» в лице Сократа), Ницше тем не менее не останавливается и на релятивизме, считая, что он, как заключает А.Е. Радеев, «представляет собой промежуточное патологическое состояние» [7;66].

В чем же, в таком случае, состоит критерий познания по Ницше? Мы можем встретить ответ на этот вопрос как в труде «О пользе и вреде истории для жизни», так и в черновиках, использованных при компиляции «Воли к власти». В первом случае ответ – «жизнь»: ее целями должно определяться любое познание, она есть «*высшая, господствующая [над познанием. – К.Щ.] сила*» [5; 227]; во втором – «потребности»: даже субъект не обладает самодостоверностью; «*Наши потребности: вот что истолковывает мир*» [3; 281], – пишет Ницше. Оба ответа на вопрос о критерии познания – это, по сути, один ответ: потому как под жизнью Ницше и понимает инстинктивное начало в человеке, непосредственную естественность, дойти до сознания которой и является целью разума, настроенного на интеллектуальную честность.

Под именем «честности» данный императив Ницше встречается неоднократно не только в «Веселой науке»; так, в книге «По ту сторону добра и зла» находим: «*Честность <...> наша добродетель, от которой мы не можем избавиться, мы, свободные умы*» [6; 347]. Да, честность Ницше как раз противостоит и Сократу, и Канту, которых он считает шулерами от философии, и эта честность принуждает Ницше признать иное начало за «чистым мышлением» – инстинкты, а именно: волю к власти. В том же фрагменте он пишет о «*переходной до неузнаваемости духовной воле к власти и покорению мира*» [6; 347].

В этом можно заметить парадоксальность мысли Ницше: интеллектуальная совесть, интеллектуальная честность заставляют его признать за всем – неинтеллектуальные, инстинктивные основания. Несложно заметить в этом порочный круг: если мы не доверяем рассудочности, почему мы пользуемся ее средствами, чтобы ее же и опровергнуть? Причем здесь нет и следа того, что Деррида мог бы признать за свою деконструкцию, в которой такой прием – доведения до абсурда изначальных посылок какого-либо текста, традиции – является одним из основных. Нет: для Ницше, как мы видим, интеллектуальная честность продолжает быть важной, тем, что он и не собирался опровергать. В этом нам видится противоречивость его мысли – в том, что, преодолевая сократическое, он изжил его не до конца, не до предела.

Впрочем, благодаря богатству философии немецкого мыслителя мы можем обнаружить у него попытки радикального ухода от сократического способа философствования и от того, что напоминало бы картезианскую рефлексию. В ранней работе «Об истине и лжи во вненравственном смысле» Ницше в целом негативно оценивает познавательные возможности человека, с самого начала труда высказываясь о познании вызывающе-категорично: момент «изобретения» людьми познания – «*это было самое высокомерное и лживое мгновение “мировой истории”*» [4; 356]. Человеку, руководствующемуся «*понятиями и абстракциями*» [4; 373], Ницше противопоставляет свой идеал: человека интуиции, стоящего «*в центре культуры*» [4; 373]. За каждым научным понятием стоит ряд метафор, объясняет Ницше, – то есть художественное предшествует рассудочному и руководит им. Следовательно, необходимо относиться к языку именно эстетически, а не абстрактно: отсюда следует особый этический идеал, который обрисован Ницше в конце данного эссе, и может следовать особый тип философствования, отличный от обычного рефлексивного – экспрессивный, художественный. При этом, однако, не снимается противоречие, обозначенное выше нами. Ницше критикует понятие истины с позиции человека, ищущего истину.

Итак, ответ на первый вопрос, ставившийся в начале данной статьи, был дан, как и описаны противоречия, который порождают черты сократического философствования в учении Ницше. Как, в таком случае, мы можем ответить на вопрос, какой философии удалось избежать сократизма?

Если принять то представление об основаниях сократической философии, которое нами было найдено – стремление привести рассуждения в согласие с внутренним для рассудка критерием – уходом от такого сократизма можно считать любой релятивизм, те учения, которые провозглашают себя основанными на «ничто», небытии: от анархического индивидуализма М. Штирнера («*Ничто – вот на чем я построил свое дело*» [8; 6]) до экзистенциализма Ж.-П. Сартра, у которого человек в своей сущности представляет собой «ничто», так как лишь «проектируя» себя, человек созидает свою сущность. Пожалуй, данные учения действительно радикальнее уходят от сократической философии – но при этом впадают в релятивизм и нигилизм, порицаемый самим Ницше за его бессилие, художественную бесплодность. Если считать этот упрек Ницше справедливым в отношении подобного релятивизма и применить его к вышеупомянутым примерам (а это возможно – ведь Штирнер не стал столь влиятельным философом, как Ницше, а Сартр, хотя и считается философом известным, больше оказал влияния скорее на «моду на экзистенциализм» с соответствующим пафосом и умонастроением «бессмысленности сущего» и т.д. – того, что сам Ницше безусловно бы осудил за бессилие перед жизнью, упадок жизненных сил), мы приходим к выводу, что, по всей видимости, сам ницшеанский проект философии не до конца исчерпал себя в своем антисо-

кратизме: ведь обнаружилась в нем, рядом с сократической интеллектуальной честностью, еще и «интуиция», не рефлексия, но экспрессия – и нельзя ли сказать тогда, что у самой экспрессии должна быть другая истина, отличная от рефлексивной? Для ответа на этот вопрос необходимо уже особое исследование как философии Ницше, так и самой проблемы в более широком контексте.

Список литературы

1. Делез Ж. Логика смысла. Фуко М. *Theatrum philosophicum*. М.: Раритет; Екатеринбург: Деловая книга, 1998. 480 с.
2. Кессиди Ф. Х. Сократ. СПб.: Алетейя, 2001. 345 с.
3. Ницше Ф. Воля к власти: Опыт переоценки всех ценностей. М.: Культурная революция, 2005. 880 с.
4. Ницше Ф. О пользе и вреде истории для жизни. Сумерки кумиров, или Как философствовать молотом. О философах. Об истине и лжи во вненравственном смысле. Минск: Харвест, 2003. 384 с.
5. Ницше Ф. Сочинения. В 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1996. 832 с.
6. Ницше Ф. Сочинения. В 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1996. 829 с.
7. Радеев А.Е. Эстетика силы в философии Ницше // Эстетика сегодня: состояние, перспективы. Материалы научной конференции. 20-21 октября 1999 г. Тезисы докладов и выступлений. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 1999. С.65-67.
8. Штирнер М. Единственный и его собственность. Харьков: Основа, 1994. 560 с.

Рецензенты:

Костина О.В., д.филос.н., профессор, ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия», г. Саратов.

Дуплинская Ю.М., д.филос.н., профессор, профессор, ФГБОУ ВПО «Саратовский государственный технический университет» имени Гагарина Ю.А., г. Саратов.